

TQWUEF

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ТЕРРИТОРИИ: ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ, ОСОБЕННОСТИ И КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В. А. Колосов

О. И. Вендина

А. А. Гриценко

М. В. Зотова

М. С. Карпенко

А. Б. Себенцов

Н. Л. Туров

Институт географии РАН,
119017, Россия, Москва, Старомонетный пер., 29

Поступила в редакцию 28.08.2025 г.

Принята к публикации 12.01.2026 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-1

© Колосов В. А., Вендина О. И., Гриценко А. А., Зотова М. В., Карпенко М. С., Себенцов А. Б., Туров Н. Л., 2026

Термин «геостратегическая территория» использован в Стратегиях пространственного развития Российской Федерации, принятых в 2019 и 2024 гг. Однако принципы выделения таких территорий остались неясными, приоритеты и дифференциация не определены. Цель исследования — провeсть на основе мировой и отечественной литературы содержательный анализ понятия «геостратегия» и производных от него в различных сферах научного знания. За рубежом геостратегия ассоциировалась первоначально с военной географией и геополитикой. Ныне геостратегический анализ охватывает не только потенциал применения военной силы на внешних для государства территориях, но и возможности реализации его интересов другими средствами. В России под стратегической территорией подразумевается регион, испытывающий потенциальные или реальные внешние угрозы его безопасности и отличающийся особой уязвимостью к внешним вызовам, из чего вытекает необходимость специальной политики по устранению или смягчению их последствий. Термин «геостратегический» указывает на источники угроз — позицию территории в полимасштабном пространстве внешних и внутренних связей и сетевых структур. Внешние вызовы тесно переплетаются с внутренними: преодолением отсталости, бедностью, оттоком населения и т. д. Показано, что геостратегическое положение носит изменчивый, исторический характер и складывается из геостратегических свойств отдельных населенных пунктов и объектов. Однако похожие геостратегические свойства характерны и для обширных территорий, включающих несколько регионов (например, Арктика или Дальний Восток). Оценка геостратегического положения имеет дискурсивную природу и

Для цитирования: Колосов, В. А., Вендина, О. И., Гриценко, А. А., Зотова, М. В., Карпенко, М. С., Себенцов, А. Б., Туров, Н. Л. 2026, Геостратегические территории: история понятия, особенности и критерии определения, *Балтийский регион*, т. 18, № 1, с. 4–22, doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-1

зависит не только от материальных факторов, но и от идентичности граждан, в том числе их представлений о действующих в мировой политике силах, угрозах национальной безопасности и отношения к соседним странам. В заключение приведены критерии отнесения территорий к геостратегическим, предложено их определение.

Ключевые слова:

геостратегические территории, пространственное развитие, стратегическое планирование, национальная безопасность, региональная политика, геостратегия, геополитика

Введение

В российскую практику стратегирования и территориального планирования сравнительно недавно вошел термин «геостратегическая территория». Впервые он был использован в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (далее — СПР-2019), разработанной во исполнение федеральных нормативных правовых актов¹. Эти документы последовали за внедрением с середины 2010-х гг. системы создания и периодического обновления стратегий развития регионов и муниципальных образований. Стратегирование было призвано стать инструментом смягчения потенциально угрожающих территориальной целостности страны социально-экономических контрастов, возникших вследствие концентрации потенциала и населения в крупнейших городах, быстрого снижения его численности в большинстве других городов и сельской местности, увеличения различий в доходах и качестве жизни граждан между субъектами РФ и особенно муниципальными образованиями на внутрирегиональном уровне.

Геостратегические территории были определены в СПР-2019 как регионы, имеющие «существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности РФ», в которых сложились «специфические условия жизни и ведения хозяйственной деятельности». В список геостратегических было включено 47 субъектов РФ, то есть более половины их общего числа. Помимо очевидных кандидатов — Республики Крым, Севастополя и Калининградской области, то есть в то время регионов-эксклавов, не имевших сухопутного сообщения с основной территорией страны, в него вошли все остальные приграничные субъекты РФ, а также 25 регионов, расположенных на Северном Кавказе, Дальнем Востоке и в Арктической зоне.

Подготовка и ход реализации СПР-2019 вызвали оживленную критическую дискуссию [1—4]. Авторы отмечали, что критерии «геостратегичности» создатели СПР оставили неясными. Геостратегические территории сильно различаются между собой по географическому положению, плотности и составу населения [5; 6].

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации, федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ, URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 11.08.2025) ; О содержании, составе, порядке разработки и утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также о порядке осуществления мониторинга и контроля ее реализации (вместе с «Положением о содержании, составе, порядке разработки и утверждения Стратегии пространственного развития Российской Федерации и подготавливаемых в ее составе предложений о совершенствовании системы расселения на территории Российской Федерации и приоритетных направлениях размещения производительных сил на территории Российской Федерации», «Правилами осуществления мониторинга и контроля реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации»), постановление Правительства РФ от 20.08.2015 г. № 870 (ред. от 24.06.2020), URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185091/ (дата обращения: 11.08.2025) ; Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года, указ Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13, URL: <https://base.garant.ru/71587690/> (дата обращения: 11.08.2025).

Для одних регионов особенности геополитического положения играют первостепенную роль (например, для Калининградской области или Приморского края), у других оно мало сказывается на темпах и уровне развития (например, в Курганской области). Отсутствие приоритетов и дифференциации геостратегических территорий означало риск превращения в хаотический набор мер любой региональной политики в их отношении, что только усилило бы неравномерность пространственного развития [1].

Другое общее критическое замечание к выделению геостратегических регионов заключалось в том, что оно было лишено операциональности. За все годы реализации СПР-2019 категория «геостратегичности» не отразилась ни в каких подзаконных актах. Практически на всех геостратегических территориях уже применялся разнообразный набор инструментов региональной политики, действовавших в тех же границах. Выработка подходов к пространственному развитию столь разных регионов явно требовала их группировки, поиска инструментов, отвечающих специфике каждого их типа.

Новая версия СПР, рассчитанная до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., принятая в конце 2024 г., создавалась с учетом критики первой стратегии и содержит немало новаций. Однако в части списка геостратегических территорий она изменилась сравнительно незначительно. В списке остались Республика Крым, Севастополь и Калининградская область, дальневосточные, северокавказские и арктические регионы; большинство из них также являются приграничными. Остальные приграничные регионы исключены из числа геостратегических. В число геостратегических включены новые субъекты РФ, а также муниципальные образования ряда западных регионов, примыкающие к государственной границе со странами ЕС. Геостратегические территории по-прежнему охватывают значительную часть страны: их перечень включает 29 регионов полностью, а также целый ряд муниципальных образований, что в сумме эквивалентно 57 % площади страны. Пути и ограничения их развития так же недостаточно проработаны, принципиальные различия между ними в природе и особенностях уязвимостей, локальных субкультурах и идентичности населения не учтены. Фиксация существующих проблем сопровождается обобщенными программами их решения и примерным описанием ожидаемых результатов, тогда как острота ситуации требует конкретизации и локализации знания.

Как определяют понятия «геостратегия», «геостратегический» российские и зарубежные авторы, как можно интерпретировать соединение в них двух составляющих — «гео» и «стратегия», какими могут быть критерии отнесения территорий к геостратегическим? Авторы ставят целью рассмотреть в настоящей статье эти вопросы — естественно, не претендуя на исчерпывающую полноту и однозначность.

Что такое геостратегия?

За рубежом геостратегические территории интерпретируются в основном как внешние по отношению к тому или иному государству объекты, имеющие важное военно-политическое, экономическое, символическое значение.

Геостратегия родилась в лоне военной географии — одного из самых старых направлений географической науки. Впервые этот термин был употреблен в 1855 г. генералом Джакомо Дурандо, военным министром Сардинского королевства (Пьемонта) [7]. Однако более прочно он укоренился в научной литературе некоторых стран, в первую очередь Германии, США и Франции, лишь в начале XX в. С этого времени геостратегия постепенно обособляется от географического изучения театров военных действий, а с конца XIX в. теснее ассоциируется с геополитикой.

литикой. Во многих исследованиях более широкое использование термина «геостратегия» связывают с немецкой школой геополитики, особенно после появления трудов германского географа и геополитика К. Хаусхофера [8], выдвинувшего идею «wehргеopolitik» («военной политики»), которая в отличие от военной географии «обращена в будущее, предполагает готовность применить военную силу» и оперирует «большими пространствами». Эту черту геостратегии отмечал также крупный французский географ А. Вигарье [9], подчеркивая, что она определяет многообразие мер защиты от потенциального противника. Политико-географ С. Розьер [10] отмечал, что геостратегия изучает географическое пространство не только как среду и театр [арену политической и военной деятельности], но и как предмет (enjeu) конфликта.

Толкование геостратегии как области знания, направленной на обоснование территориальной экспансии, а также связь К. Хаусхофера с руководством нацистской Германии привели к тому, что в большинстве стран мира геостратегия и геополитика в послевоенный период вплоть до 1980-х гг. считались маргинальными дисциплинами [11]. После Второй мировой войны концепции геостратегии получили дальнейшее развитие, геостратегические исследования велись различными организациями и военными академиями по всему миру. Термин «геостратегия» регулярно появлялся в авторитетных словарях. Так, в издании «Британника» [12] он ассоциировался с военной политикой. Международный словарь Вебстера [13] определял геостратегию как «раздел геополитики, занимающийся вопросами стратегии».

Диверсификация методов и форм контроля над пространством в послевоенный период, формирование военно-политических блоков и обострение проблемы международного терроризма привели к усложнению геостратегического анализа. Он не ограничивается отныне изучением потенциала применения военной силы в определенных регионах, но и учитывает способность государства влиять на различные сферы деятельности стран, находящихся в зоне его влияния: транспорт, энергетику, сельское хозяйство и т. д. На фоне реабилитации геостратегии и геополитики в 1980-е гг. наблюдалась «демилитаризация» этих дисциплин. Ставшие популярными геостратегические построения З. Бжезинского [14] и Г. Киссинджера [15] в меньшей степени опираются на военную силу и в большей — на обоснование способов экономического, информационного и политического доминирования. З. Бжезинский полагал, что геостратегия представляет собой «стратегическое управление геополитическими интересами», и подчеркивал их динамичность и необходимость активного прогноза на будущее [14].

Французский географ Э. Куто-Бегарье [16] вслед за этими авторами определял геостратегию как поиск государством наиболее эффективных путей трансформации (политического) пространства в соответствии со своими интересами, например путем блокирования коммуникаций, изоляции враждебного государства и его отдельных территорий, инспирирования оппозиции его политическому режиму, установления контроля над определенными регионами и населенными пунктами. Несколько позже приобретает популярность концепция так называемой мягкой силы [17], согласно которой в современных условиях государства скорее прибегают к угрозам применения военной мощи и демонстрации своих возможностей, нежели стремятся к их полномасштабной реализации, достигая своих геополитических целей посредством создания притягательных образов, информационного манипулирования и апелляций к социальным представлениям и ценностям. В том же духе П. Венье [18] полагал, что геостратегия — прикладное направление геополитики, представляющее собой разработку комплексных мер по реализации интересов государства за его пределами, в том числе по установлению контроля

над жизненно важными активами военного значения. По его мнению, геостратегия связана также с проблемами национальной безопасности и угроз со стороны реальных и потенциальных противников, сфокусирована на соотношении военно-политических сил на международной арене, в том числе возможностей процветания военной мощи и контроля над пространством с помощью создания военных баз. Обычно «геостратегические» исследования в таком понимании ведутся в крупных державах или странах — региональных лидерах и направлены на обоснование различий в подходе государства к отношениям с определенными странами и регионами.

Сходное с господствующим за рубежом понимание понятия геостратегии как прикладного направления геополитики разделяли, хотя и редко, некоторые российские авторы. В российских исследованиях это понятие стало впервые применяться лишь в 1990-х гг. Так, К. Э. Сорокин подразделял геополитику на фундаментальную, изучающую развитие геополитического пространства планеты, и прикладную (геостратегию), разрабатывающую рекомендации по осуществлению генеральной линии поведения государства или группы государств на мировой арене [19].

Новые угрозы планетарного масштаба, усиление стратегического соперничества между ведущими центрами силы, растущая многополярность, возникновение новых виртуальных пространств и гибридные войны способствовали актуализации геостратегических исследований. Вместе с тем появление геоинформационных технологий, искусственного интеллекта и расширение цифровой среды вызвали глубокое обновление их методического инструментария [7].

Несмотря на указанные достижения, общепринятого понимания сущности и задач геостратегии не сложилось. Большинство авторов полагает, что геостратегия — это самостоятельное научное направление или раздел геополитики, изучающий взаимосвязь географического положения, территориального распределения военных, экономических и политических сил в мире и других географических факторов с национальными внешнеполитическими стратегиями. В авторитетной коллективной монографии «Геополитика, география и стратегия» [20], посвященной теории геостратегических исследований, даются разные трактовки понятия «геостратегия». Э. Долман трактовал геостратегию как отрасль геополитики, фокусирующуюся «на применении новых технологий на основе географических, топографических и позиционных данных» [21]. Дж. Тоал считал, что геополитика вообще и геостратегия в частности не должны замыкаться на вопросах связи пространства, политики и военной силы и что в современных условиях важную роль играют конструируемые посредством дискурса и соответствующих практик географические образы, мифы и представления [22].

В последние два десятилетия появились работы, в которых предпринята попытка выработать универсальное понимание геостратегического характера территории независимо от ее положения за рубежом или в пределах государственных границ. Дж. Слоан [11], исходя из максимы, что «география по-прежнему имеет значение», отмечал, что любая стратегия, имеющая пространственное выражение, является геостратегией. Похожего мнения придерживаются и некоторые латиноамериканские исследователи, продвигающие «геостратегии экономического пространства», под которыми понимают планы по развитию экономики больших регионов с учетом глобальной производственной фрагментации, стратегий транснациональных корпораций, а также сложных форм взаимодействия властей разных стран и разных пространственных уровней [23].

Наиболее широкий (полимасштабный) подход к геостратегии предложил известный французский географ, геополитик и публицист Ив Лакост [24]. По его мнению, геостратегия занимается исследованием соперничества и антагонизмов

между недружественными государствами и действующими за рубежом политическими силами, тогда как геополитика изучает конфликты, социальные представления и политический дискурс между гражданами государства. Лакост считал, что разработка геостратегии предполагает существование противника или военной угрозы и представляет собой набор выкладок и расчетов, обосновывающих потенциальный ответ на внешний вызов или план захвата определенной территории с учетом сил и средств, имеющихся в распоряжении государства, и их распределения на разных пространственных уровнях, а также прогноз возможной реакции противной стороны и других государств. Лакост в отличие от других авторов не проводил различия между внешними и внутренними угрозами и подчеркивал необходимость геостратегического анализа на глобальном, региональном и локальном уровнях. В эту концепцию органично вписываются специфичные для каждого государства неформализованные списки геостратегических территорий или объектов разного масштаба: отдельные страны и целые регионы (Центральная Азия для России, Китая и ЕС, Тихоокеанский регион, Арктика), территории и акватории, по которым пролегают международные транспортные пути: Панамский и Суэцкий каналы, Красное море и др.

Особенности истории, геополитического положения внутренних территорий за рубежом, как правило, отражаются не в государственных программах, как в России, а прежде всего в различиях в статусе — дополнительных компетенциях регионов или муниципальных образований, расположенных вблизи границ, на островах или территориях, отличающихся по этноконфессиональному составу жителей. Распространены «асимметричные» федерации, субъекты которых имеют разные полномочия. Так, в Италии пограничные и специфичные по структуре населения области Валле-д'Аоста, Трентино-Альто Адидже, Фриули-Венеция Джулия и островные Сицилия и Сардиния были наделены автономией (особым статусом) задолго до относительно недавних реформ, расширивших компетенции всех областей. Особый статус имеют удаленные на тысячи километров от метрополии островные «заморские сообщества» Франции, а до 2025 г. самая крупная из заморских территорий — Новая Каледония. В Индии наряду со штатами существует восемь союзных территорий, управляемых непосредственно федеральным правительством в связи с особым географическим положением, внешнеполитическими вызовами и историческими особенностями.

Особенности геостратегических территорий

Термин «геостратегический» — это не механическое соединение двух слов, а концепт, порождающий новые смыслы. «Стратегический» означает, во-первых, безусловную *важность территории или поселения в общегосударственном масштабе* и наличие потенциальных или реальных опасностей и угроз, во-вторых, необходимость выработки целенаправленной политики, позволяющей их избежать.

В России — стране исключительного разнообразия природных и социально-экономических условий — всегда существовали территории, благодаря своей значимости пользовавшиеся в определенный исторический период особым вниманием государства и специальным режимом. К ним принадлежали, в частности, пограничные казачьи территории [25]. Показательно, что термин «геостратегическая территория» появился в годы радикального изменения геополитического положения России, после 2014 г.

Цель «учреждения» геостратегических территорий — учет влияния на российские регионы внешних факторов национальной и региональной безопасности в СПР и региональных стратегиях. Отказ от глобалистской модели либеральной эко-

номики, западные санкции и сокращение зависимости от внешних поставщиков товаров и услуг предполагают преимущественную опору на внутренние ресурсы, импортозамещение и реиндустриализацию, а следовательно, обуславливают особую важность определенных месторождений полезных ископаемых, регионов и промышленных центров, коммуникаций и т.д. Стал настоящей необходимостью «поворот на восток», что повышает стратегическую значимость дальневосточных портов и Восточного полигона РЖД. При этом внешние обстоятельства становятся не только источником экзистенциальных угроз, но и стимулом государственной модернизационной политики, базовой рамкой регионального развития и социальной жизни страны.

Если еще относительно недавно внешнеполитические обстоятельства рассматривались как благоприятные для РФ, а трансграничные контакты - как дополнительный ресурс развития территорий ее приграничного контура, то в настоящее время те же факторы стали источником экзистенциальных рисков. «Геостратегичность» интерпретируется как *наличие потенциальных или реальных внешних угроз безопасности региона, его особая, повышенная уязвимость к внешним вызовам*, из чего, в свою очередь, вытекает необходимость выработки целенаправленной политики, позволяющей устранить или смягчить их последствия. Таким образом, введение в оборот термина «геостратегическая территория» в СПР подразумевало, с одной стороны, связь с геополитикой, с другой — его понимание как еще одной формы региональной политики наряду с ТОР, ОЭЗ и др. [26].

Корень «гео-» указывает на источник уязвимостей — территориальную проекцию разнообразных отношений (международных, двусторонних межгосударственных, макрорегиональных, межрегиональных, центр-периферийных, трансграничных, политико-культурных и др.). Иными словами, развивая положения, высказанные И. Лакостом, можно утверждать, что геостратегическое положение — это *позиция в многомерном, полимасштабном пространстве внешних и внутренних связей*, а не только место на карте. Например, в начале текущего столетия хозяйство Калининградской области благодаря близости к высокоразвитым странам ЕС ориентировалось на кооперацию с ними в развитии сборочных производств, продукция которых была предназначена для общероссийского рынка. После 2014 г. и начала украинского кризиса и особенно СВО преимущества того же геополитического положения превратились в свою противоположность ввиду крайней уязвимости коммуникаций с основной территорией России и антироссийских санкций западных стран.

Вместе с тем стало еще более очевидно *переплетение внешних вызовов безопасности регионов с внутренними*, особенно с преодолением отсталости и резкой территориальной неравномерности развития, низкого качества жизни, обеспечением целостности страны. С позиции глобальной геополитической повестки становится невозможно более допускать коммуникационную изолированность геостратегических территорий от других регионов, высокий уровень бедности, миграционный отток и сокращение населения, связанное с его старением и нарастающими диспропорциями на рынке труда. В свою очередь, нехватка квалифицированных кадров стала одним из главных препятствий на пути перестройки структуры экономики, ориентированной главным образом на добычу, первичную переработку и экспорт природных ресурсов. Сформировался порочный круг: ограниченность технологических инноваций лимитирует рост человеческого капитала, порождает миграционные вызовы, обнажающие проблемы депопуляции, замедляющие обновление экономики, усугубляющие отставание геостратегических территорий.

Однако ни в первой, ни во второй, значительно обновленной, СПР не раскрыт конкретно приоритет отдельных факторов (критериев), определяющих

геостратегическую значимость территории. Можно предположить, что в число критериев входят *периферийное положение, удаленность и изолированность от основных коммуникаций* (например, Калининградской области, дальневосточных и арктических субъектов РФ), *отставание* от других регионов по социально-экономическим показателям и их динамике, *реализации государственных программ и крупных проектов*. Но неблагоприятное состояние хозяйства, недостаточные доходы населения и депопуляция характерны также и для регионов, не включенных в число геостратегических. С другой стороны, некоторые геостратегические субъекты РФ вполне благополучны [27]. Преференциальные режимы хозяйствования — вовсе не исключительная привилегия геостратегических территорий, а государственные программы и крупные проекты реализуются не только на таких территориях [28].

Геостратегическое положение носит *изменчивый, исторический характер*. Оно может долго оставаться неизменным: так, Крым уже в течение нескольких столетий не утрачивает своего стратегического значения в Черноморском бассейне. Но чаще всего оно меняется в зависимости от политических и экономических обстоятельств, доминирующего политического дискурса, в свою очередь, трансформирующего территориальные отношения. Примером может служить российско-украинское пограничье — обширный ареал тесных контактов и взаимопроникновения двух близких культур, в котором существовали предпосылки интенсивных трансграничных взаимодействий и сотрудничества [29; 30]. Однако за считанные недели в 2014 г. пограничье между двумя странами превратилось в зону резкого размежевания и боевых действий. Таким образом, изменение позиции в системе территориальных отношений снижает или повышает уровень потенциальных угроз и опасностей.

Геостратегические свойства в политическом дискурсе нередко приписываются не только периферийным территориям, но и центральным, играющим ключевую роль в экономике и/или имеющим важные символические функции, особенно столицам. История знает немало примеров, когда политические события в столицах, мало затронувшие другие регионы, предопределили судьбы государства. Взятие противником столицы в ходе вооруженных конфликтов нередко вело к падению политического режима, потере независимости или распаду страны. Так, французские политики в прошлом были особо озабочены уязвимостью Парижа, сравнительно близко расположенного к границам страны и не защищенного естественными барьерами.

Понятие «территория» предполагает наличие более или менее отчетливых границ. Регионы и муниципальные образования имеют юридически закрепленные территориальные границы полномочий региональных органов власти. Однако «геостратегичность» субъекта РФ зависит не только, а иногда и не столько от географического положения, но и от *геостратегических свойств отдельных населенных пунктов и расположенных в них объектов*. Внутрирегиональные различия в геостратегической значимости территории, как правило, более значительны, чем межрегиональные. Функционирование «точечных» (локальных) стратегических объектов, связанных с обеспечением безопасности, локализацией месторождений полезных ископаемых и других объектов, коммуникативностью, процессами освоения (модернизации) и сжатием пространства под влиянием новых технологий [31], зависит от пространственных отношений разного масштаба — от локального до общегосударственного, а иногда и надгосударственного.

Не случайно в одном из ранних вариантов СПР-2024 в особый приоритет выделялись «стратегические поселения». Предполагалось, что они будут включать ЗАТО, транспортные узлы и порты, населенные пункты при важных предприятиях,

оборонных объектах, пограничных пунктах пропуска и т. д. Однако их очевидная разнородность, многочисленность и частое совпадение с опорными населенными пунктами, отобранными по другим критериям, заставили отказаться от этого приоритета.

Геостратегическая значимость отдельных поселений и других «точечных» объектов может быть больше, чем административного центра, а их коммуникативные свойства по крайней мере не уступать ему, что отражает укрепление многомерных сетевых структур, меняющих двухмерную (декартову) линейно-узловую, иерархическую конфигурацию территориальных связей [31, с. 33].

В то же время общие или сходные геостратегические свойства присущи обширным территориям, далеко выходящим за пределы одного региона и не имеющим политико-административной субъектности или институтов управления — Арктике или Дальнему Востоку. Эти свойства определяются географическим положением и доступностью, общностью коммуникаций, «ареальным» распространением стратегических природных ресурсов, природно-климатическим, социально-экономическим и культурным сходством [32]. В таких случаях необходима эффективная координация развития разных сфер деятельности, далеко выходящая за рамки компетенций отдельных ведомств и администраций, управленческая практика, сочетающая традиционный регионально-иерархический и сетевой подходы. Масштаб этих задач, связанный с судьбами «больших пространств», носит истинно геостратегический характер и диктуется долгосрочными интересами страны.

Геостратегические территории и национальная безопасность

Определение объектов и территорий как геостратегических и выстраивание их иерархии по степени значимости для страны зависит от оценки внутренних рисков, внешнеполитических вызовов и угроз безопасности, исходящих из разных регионов мира, а стало быть, имеет дискурсивную природу. В изучении общественных представлений о безопасности и угрозах ей как части геополитического видения (или картины мира) значительную роль играет критическая геополитика. В соответствии с развитыми в рамках этого научного направления подходами геополитическое видение мира определяются не столько реальными обстоятельствами, сколько устойчивыми мифами, символами, стереотипами и меняющимися мнениями, конструируемыми элитами и распространяемыми СМИ, системой социализации новых поколений.

Реакцией на новые риски и «мягкие» угрозы, порожденные глобализацией (международный терроризм, пандемии, неконтролируемая миграция, наркотрафик и т. д.), стало усложнение общественных представлений о безопасности. Отныне в качестве субъекта и объекта обеспечения безопасности рассматривается далеко не только государство. Стерлись различия между внешней и внутренней политикой, различаются безопасность государства, его части, социальной группы, отдельного человека и целого макрорегиона.

Для приграничных регионов, многие из которых причислены к геостратегическим, в условиях «одержимости безопасностью» [33] особенно важно обострение диалектического противоречия между необходимостью обеспечения международных коммуникаций, в том числе облегчения условий внешнеэкономических связей и совершенствования их инфраструктуры, и усилением контроля над трансграничными потоками, их тщательной фильтрацией. Всеобъемлющее понимание безопасности оправдывает любые чрезвычайные меры и сверхцентрализацию власти. Сталкиваются традиционное понимание безопасности, основанное на ведущей роли государства в ее обеспечении, опирающегося на мощь аппарата принуждения,

включая военную силу, и постмодернистское понимание, основанное на десекуритизации, то есть дискурсе, лишаящем текущие проблемы ореола экзистенциальной угрозы социуму. В таком дискурсе на первый план выдвигается открытость, приграничное сотрудничество и взаимовлияние культур соседних стран, способствующих превращению пограничья в локомотивы развития, а взаимодействие между силами правопорядка и современными технологиями превращается в главное условие борьбы с «мягкими угрозами».

Тем самым интересы государства, широко использующего запретительные меры и так или иначе ограничивающего мобильность людей, капиталов, информации, прямо или косвенно противопоставляются интересам субъектов экономической деятельности, жителей пограничья, рядовых граждан. В результате государство представляется внешней враждебной силой, препятствующей онтологической безопасности — предсказуемости условий деятельности людей в пограничных регионах.

В реальности десекуритизация порубежья между Россией и ее западными соседями оказалась ограниченной, а в ряде случаев невозможной. Она в сильной степени зависела от способов разрешения дилеммы безопасности, суть которой заключается в том, что меры по ее обеспечению в одних странах воспринимаются как потенциальная угроза в других, порождая острые конфликты и ответные действия. На пограничных территориях интерпретация роли государства как «внешнего» или даже враждебного актора может накладываться на спонтанные процессы трансграничной регионализации, вызванные усилением экономических взаимодействий, или целенаправленные попытки соседних государств реструктурировать пространство, генерируя вызовы регионализма. Определенное пространство начинает восприниматься как целостная территория, границы которой не совпадают с государственными [34; 35]. Конкуренция за лояльность граждан между внешними и внутренними социальными и политическими акторами порождает межгосударственные конфликты, категорически несовместимые с десекуритизацией.

Таким образом, безопасность и уязвимость геостратегических территорий зависит не только от материальных факторов — состояния экономики и т. д., но и от идентичности граждан, которая складывается в том числе и из представлений о месте своего региона в России, его перспективах, значимости для страны, а также силах, влияющих на мировую политику, угрозах национальной безопасности и отношения к соседним странам. Противопоставление локальных идентичностей общенациональной, виктимизация исторического прошлого и политизация проблем настоящего, изменение ценностных ориентиров могут создать реальную угрозу целостности страны. Поэтому важны культурные якоря, обеспечивающие консолидацию и солидарность населения, его связь со страной и местом проживания, выстраивание добрососедских отношений с соседями.

Согласно широко известному высказыванию Эрнеста Ренана, «существование нации — это повседневный плебисцит» или, иными словами, постоянная борьба государства за лояльность своих граждан, осознание ими своей принадлежности к определенному сообществу, сохранение и обновление маркеров «свой — чужой». «Повседневный плебисцит» предполагает выявление характера и источников угроз, которые могут подорвать национальную (гражданскую) идентичность, будь то массовая миграция, отставание в уровне развития и качестве жизни, целенаправленные усилия внутренних или внешних сил. Важнейшим условием сохранения устойчивости национальной идентичности служат устойчивая коллективная память о про-

шлом, символический капитал: иконография, материальные знаки, такие как «места памяти», мемориалы, праздники, парады и другие ритуалы, необходимые для конструирования прочной связи прошлого и будущего [36; 37].

К числу геостратегических отнесены территории со сложным историческим прошлым. Некоторые из них или их части вошли в состав российского государства по историческим меркам сравнительно недавно. Существенную часть населения новых регионов и некоторых других геостратегических территорий составляют представители этнических групп, являющихся в соседней стране титульными. Многие геостратегические регионы — пограничные: их жители отличаются высокой пространственной и, в частности, трансграничной мобильностью, что потенциально способствует их восприимчивости к культурно-символическим вызовам, которые могут повлиять на их ценностные ориентации и идентичность. Наконец, геостратегические территории охватывают тесно взаимосвязанные республики Северного Кавказа с пестрым этническим составом населения и значительным конфликтогенным потенциалом, в том числе таящемся в противоречивой исторической памяти различных этнических групп, мифах и стереотипах. Эти факторы предполагают необходимость гибкого сочетания политики пространственного развития региона и предупреждения возможных негативных тенденций в его духовной жизни.

Заключение и выводы

Подведем итоги и попробуем дать определение геостратегических территорий. В западных странах этот термин так или иначе относится к внешнеполитической и военной деятельности государства, оценке им источников внешних угроз и уязвимостей, способности проецировать свое влияние на территории за пределами своих границ, поиск возможностей доминирования в своем регионе или в мире. Лишь в единичных работах внешние и внутренние факторы, определяющие важность определенных территорий для государства, не разделяются. Однако ныне уже невозможно рассматривать отдельно тесно переплетающиеся внешние и внутренние, материальные и нематериальные факторы, делающие территорию геостратегической, в отрыве от интерпретации национальной и других видов безопасности.

В России сравнительно широкое применение термин «геостратегический» получил совсем недавно благодаря разработке двух СПР, в которых так были названы значимые по разным причинам территории, составляющие объект еще одного направления региональной политики.

Подобно географическому положению, «геостратегические» свойства территории исторически изменчивы и преходящи. Они зависят от международной ситуации, технологий, в том числе военных и транспортных, социально-экономического развития и многих других факторов, и имеют, как и связанное с ним понятие безопасности, дискурсивную природу. Эти свойства «асимметричны»: определенная территория может быть геостратегической для одной страны, но «обычным» регионом — для другой.

Ряд критериев геостратегической важности территории типичен для многих стран:

- 1) изолированное положение по отношению к основной части страны, что предопределяет военную и экономическую уязвимость;
- 2) совпадение внешних и внутренних вызовов устойчивому развитию, а иногда и самому существованию территории в рамках государства;

3) размещение военных баз и/или предприятий военно-промышленного комплекса;

4) наличие уникальных природных ресурсов;

5) специфический состав населения и историческое прошлое;

6) фрустрация, культурная ущемленность, ощущение населением «заброшенности» своим государством, часто вкупе с наступательными стратегиями влиятельных внешних игроков в сфере символической политики;

7) высокая зависимость территории от государственной социальной и культурно-символической политики и инвестиций независимо от их прямой или косвенной окупаемости — например, в целях применения принципа эффективной оккупации, дающей право на признание владения территорией, укрепления поддержки местным населением, улучшения коммуникаций с труднодоступными регионами и т. д.;

8) общегосударственное символическое значение территории в целом, находящихся на ней поселений и мест памяти, их важность для национальной идентичности, повышенное внимание и чувствительность общественного мнения к событиям и судьбам региона (яркий пример — Крым).

По нашему мнению, нескольких критериев, из которых особенно существенны первые три, достаточно, чтобы отнести регион к геостратегическим. Однако привести исчерпывающий перечень таких критериев вряд ли можно.

Корень «гео-» указывает на изменчивость положения геостратегических территорий, их место в системе разнообразных отношений разного уровня (международных, двусторонних межгосударственных, макрорегиональных, межрегиональных, центр-периферийных, трансграничных, политико-культурных и др.), и стало быть, на источник уязвимостей, вызванных некоторыми из них. Волатильность многих видов экономических и политических отношений в нынешний период геополитической турбулентности усиливает мобилизацию сил и средств на адаптацию к происходящим изменениям и необходимость государственной «опеки» геостратегических территорий. В качестве примера можно привести муниципальные образования вдоль западной границы России, пострадавшие от санкций соседних стран ЕС.

Изменение положения муниципальных образований и поселений в пространстве отношений и потоков (внешнеторговых, транспортных, туристических и иных) меняет их иерархию и место в сетевых структурах, выдвигая на приоритетное место те из них, в которых, например, осуществляются важные хозяйственные проекты, которые вовлечены в производственно-сбытовые сети крупных компаний или в которых возросли военные риски. Внутрирегиональные различия, как правило, гораздо более контрастны, чем межрегиональные. Поэтому недостаточный их учет — явный пробел СПР [38].

Исходя из описанных свойств и критериев, геостратегические территории можно определить как высоко зависимые от государственной региональной политики территории, испытывающие влияние острых внешних и внутренних, материальных и нематериальных вызовов безопасности и устойчивому развитию в их сочетании.

Применение любого инструмента политики пространственного развития требует более строгого обоснования приоритетов, что прямо касается и геостратегических территорий. Хотя число таких территорий во второй СПР было несколько сокращено, проблема осталась: учитывая масштабы задач, трудно представить, что когда-либо удастся разработать программу сходной и равномерной поддержки всех 29 субъектов РФ, отнесенных к геостратегическим. Упомянутые в СПР-2024 геостратегические территории исключительно разнородны: в их

числе и самая крупная республика Северного Кавказа — Дагестан, и заполярная Мурманская область, и муниципалитеты вдоль западной границы страны. Поэтому требуется тонкая настройка планируемых мер на основе детального знания территории и анализа возможностей, путей и ограничений их развития в условиях внешнеполитического давления, экономического сдерживания и роста внутренних напряжений.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта гранта РНФ № 25-17-00277 «Геостратегические территории России: внешние и внутренние вызовы». Раздел «Геостратегические территории и национальная безопасность» подготовлен по теме Государственного задания ИГ РАН № 124032900015-3 (FMWS-2024-0008).

Список литературы

1. Кузнецова, О. В. 2019, Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем, *Пространственная экономика*, № 4, с. 107—125, EDN: PWBVDT, <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125>
2. Лексин, В. Н. 2019, Дороги, которые мы не выбираем (о правительственной «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года»), *Российский экономический журнал*, № 3, с. 3—24, EDN: ZCPKNS, <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2019-3-3-3-24>
3. Михеева, Н. Н. 2018, Стратегия пространственного развития: новый этап или повторение старых ошибок?, *ЭКО*, № 5 (527), с. 158—178, EDN: UPTHCQ, <https://doi.org/10.30680/ESCO0131-7652-2018-5-158-178>
4. Зубаревич, Н. В. 2019, Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты, *Вопросы экономики*, № 1, с. 135—145, EDN: YTNWNF, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>
5. Домнина, И. Н. 2020, «Геостратегическая территория» как форма пространственного регулирования экономики, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 6, с. 126—141, EDN: VELKJM, <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10074>
6. Иванов, О. Б., Бухвальд, Е. М. 2019, «Геостратегические территории» и «Точки роста» в стратегировании пространственного развития Российской Федерации, *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, № 4, с. 7—23, EDN: MVVQYQ, <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10098>
7. Boulanger, P. 2023, *Introduction à la géostratégie*, Paris, La Découverte, 127 p.
8. Haushofer, K. 1934, *Weltpolitik von heute*, Berlin, Zeitgeschichte, 269 p.
9. Vigarié, A. 1989, *Géostratégie des océans*, Caen, Paradigme, 399 p.
10. Rosière, S. 2001, Géographie politique, géopolitique et géostratégie: distinctions opératoires, *L'information géographique*, vol. 65, № 1, p. 35—42.
11. Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Abingdon, Routledge, 272 p.
12. *Britannica Book of the Year 1957: A Record of the March of Events of 1956, 1957*, Chicago, Encyclopædia Britannica, 863 p.
13. *Webster's Third New International Dictionary of the English Language*, 1961, Gove, P. (ed.), Unabridged, Springfield, Merriam-Webster, 2718 p.
14. Бжезинский, З. 1986, *План игры: Геостратегическая структура ведения борьбы между США и СССР*, Москва, Прогресс, 243 с.
15. Киссинджер, Г. 2018, *Мировой порядок*, Москва, 544 с.
16. Couteau-Bégarie, H. 1999, *Traité de stratégie*, Paris, Economica, 1005 p.
17. Nye, J. 2005, *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, New York, Public Affairs, 191 p.
18. Venier, P. 2010, Main Theoretical Currents in Geopolitical Thought in the Twentieth Century, *L'Espace politique*, vol. 12, № 3, <https://doi.org/10.4000/espacepolitique.1714>

19. Сорокин, К. Э. 1996, *Геополитика современности и геостратегия России*, Москва, Российская политическая энциклопедия, 167 с.
20. Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Routledge, Abingdon, UK, p. 272.
21. Dolman, E. 2000, *Geography in the Space Age: An Astropolitical Analysis*, in: Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Routledge, Abingdon, UK, p. 83–107.
22. Tuathail, J. 2000, *Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Security*, in: Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Routledge, Abingdon, UK, p. 107–125.
1. 23. Falcão Vieira, E., Milano Falcão Vieira, M. 2008, *Geostrategy of economic spaces: Innovation and Change in Latin America Territorial Administration*, *Journal of Technology Management and Innovation*, vol. 3, № 3, p. 142–150, <https://doi.org/10.4067/S0718-27242008000100014>
2. 24. Lacoste, Y. 1991, *Géopolitique et géostratégie, Stratégique*, vol 2, № 50.
3. 25. Лексин, В. Н. 2025, Государственная политика «удержания населения» на особо значимых территориях, *Регион: экономика и социология*, № 3 (127), с. 3–25, EDN: WOQQSH, <https://doi.org/10.15372/REG20250301>
4. 26. Домнина, И. Н. 2020, «Геостратегическая территория» как форма пространственного регулирования экономики, *Вестник Института экономики Российской академии наук*, № 6 с. 126–141, EDN: VELKJM, <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10074>
27. Михеева, Н. Н. 2025, Приоритетные геостратегические регионы Стратегии пространственного развития России, *ЭКО*, № 3 (603), с. 40–55, EDN: OGYyno, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2025-3-40-55>
28. Бухвальд, Е. М., Валентик, О. Н. 2024, Стратегия пространственного развития России: этап радикального обновления, *Региональная экономика. Юг России*, т. 12, № 1, с. 4–14, EDN: ERWVNW, <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2024.1.1>
29. Колосов, В. А., Вендина, О. И., Зотова, М. В., Савчук, И. Г., Гриценко, А. А., Крылов, М. П., Журженко, Т. Ю., Кирюхин, А. М., Герцен, А. А. 2011, *Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства*, Москва, 352 с., EDN: SUOSZJ
30. Анисимов, А. М., Глинкина, С. П., Вардомский, Л. Б., Колосов, В. А., Баринов, С. Л., Вертинская, Т. С., Герцен, А. А., Головина, Е. Д., Гриценко, А. А., Евченко, Н. Н., Зотова, М. В., Кирюхин, А. М., Либман, А. М., Лобанов, М. М., Пылин, А. Г., Себенцов, А. Б., Тураева, М. О., Ушкалова, Д. И., Часовский, В. И. 2013, *Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины*, Доклад № 17, Санкт-Петербург, Евразийский банк развития, 100 с., EDN: UBDBVN
31. Пилясов, А. Н. 2025, Пространство, которое мы потеряли (о новой Стратегии пространственного развития России-2036), *ЭКО*, № 3 (603), с. 7–39, EDN: TRIPJP, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2025-3-7-39>
32. Пилясов, А. Н. 2024, Состав арктических территорий для государственной поддержки: куда идти?, *Арктика и Север*, № 56, с. 92–111, EDN: LHAZZZ, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.92>
33. Golunov, S. 2012, *EU-Russian Border Security. Challenges, (Mis)Perceptions and Responses*, London, Routledge, 208 p., EDN: UEIYBH, <https://doi.org/10.4324/9780203106969>
34. Панов, П. В. 2020, Многоликий регионализм, *Вестник Пермского университета. Политология*, т. 14, № 1, с. 102–115, EDN: GGUBXG, <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115>
35. Scott, J. W. 2009, *Bordering and Ordering the European Neighbourhood: A Critical Perspective on EU Territoriality and Geopolitics*, *Trames. Journal of the Humanities and Social Sciences*, vol. 13, № 3, p. 232–247, <https://doi.org/10.3176/tr.2009.3.03>
36. Малинова, О. Ю. 2015, *Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*, Серия: Россия. В поисках себя, Москва, 207 с., EDN: UIAXZD
37. Севастьянова, Я. В., Ефременко, Д. В. 2020, Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности, *Политическая наука*, № 2, с. 66–86, EDN: SKUFEA, <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.03>

38. Дружинин, А.Г., Колосов, В.А. 2025, Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года: новации и нерешенные задачи, *Проблемы прогнозирования*, №4 (211), с. 47–57, EDN: FOQRDB, <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-47-57>

Об авторах

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, профессор, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-2817-9463>

E-mail: kolosov@igras.ru

Ольга Ивановна Вендина, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3650-1299>

E-mail: o.vendina@gmail.com

Антон Алексеевич Гриценко, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-9335-4761>

E-mail: antgritsenko@igras.ru

Мария Владимировна Зотова, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-9162-4932>

E-mail: zotova@igras.ru

Михаил Сергеевич Карпенко, научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-5262-944X>

E-mail: mike.ck@yandex.ru

Александр Борисович Себенцов, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

E-mail: asebentsov@igras.ru

Никита Леонидович Туров, научный сотрудник, Институт географии РАН, Россия.

<https://orcid.org/0000-0000-0001-7611-4985>

E-mail: turov@igras.ru

GEOSTRATEGIC TERRITORIES: THE HISTORY OF THE CONCEPT, FEATURES, AND DEFINITION CRITERIA

V. A. Kolosov

O. I. Vendina

A. A. Gritsenko

M. V. Zotova

M. S. Karpenko

A. B. Sebentsov

N. L. Turov

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
29 Staromonetny Pereulok, Moscow, 119017, Russia

Received 28 August 2025

Accepted 12 January 2026

doi: 10.5922/2079-8555-2026-1-1

© Kolosov V. A., Vendina O. I., Gritsenko A. A., Zotova M. V., Karpenko M. S., Sebentsov A. B., Turov N. L., 2026

The term ‘geostrategic territory’ was introduced in the Spatial Development Strategies of the Russian Federation, adopted in 2019 and 2024. However, the principles for identifying such territories remained ambiguous, with no clear priorities or differentiation criteria specified. This study aims to conduct a substantive analysis of the concept of geostrategy and its derivatives across various fields of scholarly knowledge, drawing on both international and Russian literature. Historically, in international scholarship, geostrategy was associated primarily with military geography and geopolitics. Today, geostrategic analysis encompasses not only the potential use of military force beyond national borders but also the pursuit of national interests through non-military means. In Russia, a strategic territory is defined as a region facing actual or potential external threats to its security, necessitating specific policy measures to eliminate or mitigate their consequences. The term ‘geostrategic territory’ refers to the sources of such threats — specifically, a territory’s position within a multi-scale spatial system of network structures. External challenges are closely intertwined with internal ones, including the need to overcome economic backwardness, poverty, depopulation, and related socio-economic problems. The analysis demonstrates that a geostrategic position is dynamic and historically contingent, shaped by the geostrategic characteristics of individual settlements and strategic facilities. At the same time, similar geostrategic properties may also characterise extensive macro-regions encompassing several administrative units (e. g., the Arctic or the Russian Far East). The assessment of geostrategic position is inherently discursive, depending not only on material factors but also on the civic identity of the population, including their perception of global political actors, assessment of national security threats, and attitudes toward neighbouring countries. The article concludes by proposing criteria for classifying geostrategic territories and offers a refined definition of the concept.

Keywords:

geostrategic territories, spatial development, strategic planning, national security, regional policy, geostrategy, geopolitics

Funding. This research was supported by the Russian Science Foundation (grant № 25-17-00277) within the international project “Geostrategic territories of Russia: external and internal challenges”. Research for the section “Geostrategic Territories and National Security” was supported by the State Assignment of the Institute of Geography, Russian Academy of Sciences (№ 124032900015-3, FMWS-2024-0008).

References

1. Kuznetsova, O. V. 2019, Problems of Elaboration of Spatial Development Strategy of the Russian Federation, *Spatial Economics*, № 4, p. 107—125, doi: 10.14530/se.2019.4.107-125
2. Leksin, V. N. 2019, The roads that we do not choose (On the Government “Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025”), *Russian Economic Journal*, № 3, p. 3—24, <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2019-3-3-3-243>
3. Mikheeva, N. N. 2018, Strategy of spatial development: new stage or repetition of old mistakes?, *EKO = ECO*, № 5, p. 158—178, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-5-158-178>
4. Zubarevich, N. V. 2019, Spatial development strategy: priorities and instruments, *Voprosy Ekonomiki*, № 1. p. 135—145, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>
5. Domnina, I. N. 2020, “Geostrategic territory” as a form of spatial regulation of the economy, *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, № 6, p. 126—141, <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10074>
6. Ivanov, O. B., Buchwald, E. M. 2019, “Geo-strategic territories” and “points of growth” in the strategy of spatial development of the Russian Federation, *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, № 4, p. 7—23, <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10098>
7. Boulanger, P. 2023, *Introduction à la géostratégie*, Paris, La Découverte, 127 p.
8. Haushofer, K. 1934, *Weltpolitik von heute*, Berlin, Zeitgeschichte, 269 p.
9. Vigarié, A. 1989, *Géostratégie des océans*, Caen, Paradigme, 399 p.
10. Rosière, S. 2001, Géographie politique, géopolitique et géostratégie: distinctions opératoires, *L’information géographique*, vol. 65, № 1, p. 33—42.
11. Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Abingdon, Routledge, 272 p.
12. *Britannica Book of the Year 1957: A Record of the March of Events of 1956, 1957*, Chicago, Encyclopædia Britannica, 863 p.
13. *Webster’s Third New International Dictionary of the English Language*, 1961, Gove, P. (ed.), Unabridged, Springfield, Merriam-Webster, 2718 p.
14. Brzezinski, Z. 1986, *Game Plan: Geostrategic Structure of the Struggle between the USA and the USSR*, Moscow, Progress, 243 p. (in Russ.).
15. Kissinger, H. 2015, *World order*, New York, 432 p.
16. Couteau-Bégarie, H. 1999, *Traité de stratégie*, Paris, Economica, 1005 p.
17. Nye, J. 2005, *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, New York, Public Affairs, 191 p.
18. Venier, P. 2010, Main Theoretical Currents in Geopolitical Thought in the Twentieth Century, *L’Espace politique*, vol. 12, № 3, <https://doi.org/10.4000/espacepolitique.1714>
19. Sorokin, K. E. 1996, *Geopolitics of Modernity and Geostrategy of Russia*, Moscow, Russian Political Encyclopedia, 167 p. (in Russ.).
20. Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Routledge, Abingdon, UK, p. 272.
21. Dolman, E. 2000, Geography in the Space Age: An Astropolitical Analysis, in: Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Routledge, Abingdon, UK, p. 83—107.

22. Tuathail, J. 2000, Understanding Critical Geopolitics: Geopolitics and Risk Security, in: Sloan, G. 2017, *Geopolitics, geography and strategic history. Geopolitical Theory*, Routledge, Abingdon, UK, p. 107—125.
23. Falcão Vieira, E., Milano Falcão Vieira, M. 2008, Geostrategy of economic spaces: Innovation and Change in Latin America Territorial Administration, *Journal of Technology Management and Innovation*, vol. 3, № 3, p. 142—150, <https://doi.org/10.4067/S0718-27242008000100014>
24. Lacoste, Y. 1991, Géopolitique et géostratégie, *Stratégique*, vol 2, № 50.
25. Leksin, V.N. 2025, The public policy of “population retention” in particularly significant territories, *Region: Economics and Sociology*, № 3 (127), p. 3—25, <https://doi.org/10.15372/REG20250301>
26. Domnina, I.N. 2020, “Geostrategic territory” as a form of spatial regulation of the economy, *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk (The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)*, № 6, p. 126—141, <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10074>
27. Mikheeva, N.N. 2025, Priority geostrategic regions of spatial development strategies for Russia, *EKO=ECO*, № 3, p. 40—55, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2025-3-40-55>
28. Buchwald, E.M., Valentik, O.N. 2024, Spatial development strategy: stage of radical renewal, *Regional Economy. South of Russia*, vol. 12, № 1, p. 4—14, <https://doi.org/10.15688/re.vol-su.2024.1.1>
29. Kolosov, V.A., Vendina, O.I., Zotova, M.V., Savchuk, I.G., Gritsenko, A.A., Krylov, M.P., Zhurzhenko, T.Yu., Herzen, A.A. 2011, *Russian-Ukrainian borderland: twenty years of separated unity*, Moscow, 352 p., EDN: SUOSZJ
30. Anisimov, A.M., Glinkina, S.P., Vardomsky, L.B., Kolosov, V.A., Barinov, S.L., Vertinskaya, T.S., Gertsen, A.A., Golovina, E.D., Gritsenko, A.A., Evchenko, N.N., Zotova, M.V., Kiryuhin, A.M., Libman, A.M., Lobanov, M.M., Pylina, A.G., Sebensov, A.B., Turaeva, M.O., Ushkalova, D.I., Chasovsky, V.I. 2013, *Trans-border cooperation in the regions of Russia, Belarus and Ukraine*, St. Petersburg, Eurasian Development Bank, 100 p. (in Russ.), EDN: UBDBVN
31. Pilyasov, A.N. 2025, The space we lost (on the new strategy for spatial development of Russia-2036), *EKO=ECO*, № 3, p. 7—39, <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2025-3-7-39>
32. Pilyasov, A.N. 2024, Composition of Arctic territories for state support: which way to choose?, *Arctic and North*, № 56, p. 92—111, <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.92>
33. Golunov, S. 2012, *EU-Russian border security: Challenges, (mis)perceptions, and responses*, EU Russian Border Security Challenges Misperceptions and Responses, 208 p., <https://doi.org/10.4324/9780203106969>
34. Panov, P.V. 2020, Multifaced regionalism, *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 14, № 1, p. 102—115, <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115>
35. Scott, J.W. 2009, Bordering and Ordering the European Neighbourhood: A Critical Perspective on EU Territoriality and Geopolitics, *Trames. Journal of the Humanities and Social Sciences*, vol. 13, № 3, p. 232—247, <https://doi.org/10.3176/tr.2009.3.03>
36. Malinova, O.Yu. 2015, *The Actual Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity*, Series: Russia. In Search of Oneself, Moscow, 207 p. (in Russ.).
37. Sevastianova, Y., Efremenko, D. 2020, Securitization of memory and dilemma of mnemonic security, *Political Science (RU)*, № 2, p. 66—86, <https://doi.org/10.31249/poln/2020.02.03>
38. Druzhinin, A.G., Kolosov, V.A. 2025, Spatial Development Strategy for Russia Up to 2030: Innovations and Tasks for Solution, *Studies on Russian Economic Development*, vol. 36, № 4, p. 466—473, <https://doi.org/10.1134/s1075700725700194>

The authors

Prof. **Vladimir A. Kolosov**, Head of the Geopolitical Research Laboratory, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-2817-9463>

E-mail: kolosov@igras.ru

Dr **Olga I. Vendina**, Leading Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0003-3650-1299>

E-mail: o.vendina@gmail.com

Dr **Anton A. Gritsenko**, Senior Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-9335-4761>

E-mail: antgritsenko@igras.ru

Dr **Mariya V. Zotova**, Senior Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-9162-4932>

E-mail: zotova@igras.ru

Mikhail S. Karpenko, Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-5262-944X>

E-mail: mike.ck@yandex.ru

Dr **Aleksandr B. Sebentsov**, Senior Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-9665-5666>

E-mail: asebentsov@igras.ru

Nikita L. Turov, Research Fellow, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Russia.

<https://orcid.org/0000-0000-0001-7611-4985>

E-mail: turov@igras.ru

